

Кадубина М.

Биографический автор в системе категорий авторства Михаила Бахтина

В современном литературоведении утверждается центральное положение категории автора в поэтике художественной модальности, поэтому ей посвящается множество исследований, научных конференций и семинаров. Проблематизирует центральное положение категории автора постмодернистская теория его смерти, но «уже 1990-е годы стали временем возвращения/реанимации «умершего» для постмодернистов («умерщвленного» ими) автора»¹. По-новому предлагают задуматься об авторе и представители онтологического направления, утверждая: «Там, где мы приближаемся к уяснению подлинной онтологии поэтического творчества, — там автора уже нет (здесь и далее в цитате курсив А. Домашенко). Поэтому и проблема автора-творца не может быть главной проблемой — тем более *предметом* филологии»². Приведенные высказывания исследователей говорят об актуальности проблемы автора в целом, а такие течения в современной науке как новый историзм или религиозное литературоведение убеждают в недостаточной проясненности биографического аспекта авторства.

Цель данной работы — осмысление понятия «биографический автор» в эстетике словесного творчества М. М. Бахтина. О возможности реанимации именно этого автора мы предлагаем задуматься.

О различных аспектах автора у М. М. Бахтина уже написано много, мнения исследователей противоречивы, что объясняется как непростой историей публикации бахтинских текстов, так и сложностью их научного языка. На эту сложность реагируют практически все «бахтинологи» в специальных оговорках, правда, во мнениях расходятся от признания метафоричности и противоречивости научной терминологии ученого до утверждения ее строгой системности и онтологической точности, но сам неудержимый интерес к работам мыслителя, создание т. н. «бахтинологии», свидетельствует о присутствии в рассуждениях ученого истины, которая, может быть, «нуждается во множестве сознаний»³.

М. М. Бахтин разработал достаточно сложную, трехаспектную теорию авторства, в изложении ее сути мы позволим себе некоторые повторения того, что уже сделано в науке, однако эти повторы неизбежны, поскольку место и функции биографического автора открываются только в контексте системы категорий авторства, разработанной М. М. Бахтиным.

Центральное место в обозначенной системе занимает автор-творец (он же автор в эстетической деятельности и первичный автор), ученый также определил позиции автора биографического, повествователя, образа автора и других участников художественного события, традиционно связанных с понятием ав-

¹ Автухович Т. Е. Риторические проекции авторского «я» // Литературоведческий сборник. — Вып. 25. Проблема автора: онтология, типология, диалог. — Донецк: ДонНУ, 2006. С. 12

² Домашенко А. В. Порождающее лоно поэзии // Литературоведческий сборник. — Вып. 25. Проблема автора: онтология, типология, диалог. — Донецк: ДонНУ, 2006. С. 39.

³ Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности. — М., 2002.

торства. Несмотря на полноту и убедительность концепции, из нее невозможно выделить и дать терминологически точное определение того или иного понятия. С этим столкнулся Б. О. Корман, что отразилось в его споре об авторе с М. М. Бахтиным¹. Н. Д. Тмарченко, В. Е. Хализев и другие литературоведы, понимая общую логику мышления и научных построений М. М. Бахтина, а также принимая во внимание историю публикации его работ, говорят о необходимости системного «освоения разработанного Бахтиным научного языка»². Поэтому, обращаясь к бахтинским текстам, мы постараемся избежать механического извлечения из них определения биографического автора и прояснить логику возникновения этого понятия в эстетике словесного творчества М. М. Бахтина.

Часто получается, что сложные философские системы вырастают из стремления человека найти ответ на простые вопросы. Н. К. Бонецкая, завершая свою статью об основной философской идее М. М. Бахтина, утверждает, что «в основе всякого философского воззрения лежит нечто бесконечно простое» и цитирует признание А. Бергсона: «сущность философии есть дух простоты»³. Здесь важно понять: поиск какой простой истины обусловил интерес М. М. Бахтина к эстетической проблематике и стал движущей силой создания теории автора.

Уже давно отмечено, что ранние работы М. М. Бахтина (не только небольшая заметка «Искусство и ответственность» и трактат «К философии поступка», но и такие по названию, казалось бы, филологические исследования как «Автор и герой в эстетической деятельности» и «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве») носят более философский характер, чем литературоведческий, да и сами понятия и проблемы поэтики Бахтин рассматривает «на основе общей систематической эстетики»⁴. Это связано с тем, что основная проблема исследований М. М. Бахтина — проблема бытия, которое в 20-х годах прошлого столетия представляется молодому ученому прежде всего как событие становления бытия посредством активной деятельности личности, как поступок личности («Общим моментом дискурсивного теоретического мышления (естественно-научного и философского), исторического изображения-описания и эстетической интуиции, важным для нашей задачи является следующее. Все названные виды деятельности устанавливают принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительной единственной переживаемостью, вследствие чего этот акт и теряет свою ценностность и единство живого становления и самоопределения. Истинно реален, причастен единственному бытию-событию только этот акт в *его целом* (здесь и далее в цитатах курсив М. М. Бахтина), только он жив, полностью и безысходно есть»⁵.

Поступок направлен на осуществление нового бытийного содержания, того, чего в бытии до поступка не было. Возможность этого нового появляется при

¹Кривонос В. Ш. Б. О. Корман и М. М. Бахтин: спор об авторе. // Филологический журнал. — М., 2005. — №1.

²Тмарченко Н. Д. Поэтика Бахтина: уроки «бахтинологии» // Известия РАН. Серия «Литература и язык». 1996. №1. С. 16.

³Бонецкая Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина // Вопросы философии. — 1996. №10. С. 111.

⁴Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, — 1994. С. 259.

⁵Там же. С. 11.

условии утвердительно-участного отношения я (личности) к *другому*: «То, что я с моего единственного в бытии места хотя бы только вижу, знаю другого, думаю о нем, не забывая его, то, что и для меня он есть, — это только я могу для него сделать в данный момент во всем бытии, это есть действие, восполняющее его бытие, абсолютно прибыльное и новое и только для меня возможное»¹. «С самого начала под поступком Бахтин понимал по преимуществу творческий акт, создающий культурную ценность, некое смыслопорождающее деяние»². «Смыслопорождающим деянием» исследователь называет не открытие новой логической истины, закономерности в той или иной области знания, а ответственное обнаружение личностью смысла бытия со своего, единственного, конкретно-исторического, никем и ничем незаменимого места в действительном событии бытия, «эмоционально-волевое понимание бытия как события в конкретной единственности на основе не-алиби в бытии...»³. Понятием «не-алиби в бытии» М. М. Бахтин определяет сплошную ответственность личности и за осуществление события обнаружения смысла бытия, и за тот смысл, который личность обнаружит. Такого представления о бытии М. М. Бахтин не находит в современной ему философии, поэтому не только говорит о ее кризисе (беспросветном разрыве мира культуры, включающего и теоретическое знание, с действительностью), а утверждает, что в двадцатом веке первой философии, как он понимает, просто не существует: «...теоретическая философия не может претендовать быть первой философией, т. е. учением не о едином культурном творчестве, но о едином и единственном бытии-событии»⁴. М. М. Бахтин, определяет «высший архитектурный принцип действительного мира поступка» как «конкретное, архитектурно-значимое противопоставление я и другого»⁵ и предпринимает попытку построения так называемой первой философии с точки зрения поступающего мышления: «Этот мир дан мне с моего единственного места как конкретный и единственный. Для моего участного поступающего сознания — он, как архитектурное целое, расположен вокруг меня как единственного центра исхождения моего поступка: он находится мною, поскольку я исхожу из себя в моем поступке-видении, поступке-мысли, поступке-деле»⁶.

Обращение к проблемам эстетики ученый объясняет тем, что «мир эстетического видения — мир искусства... своей конкретностью и проникнутостью эмоционально-волевым тоном из всех культурно-отвлеченных миров (в их изоляции) ближе к единому и единственному миру поступка. Он и поможет нам подойти к пониманию архитектурного строения действительного мира-события»⁷. Таким образом, мы видим, что эстетическое видение интересует ученого как поступок, как такой вид деятельности, который преодолевает «принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительной единствен-

¹ Там же. С. 42.

² Бонеецкая Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина... С. 99.

³ Бахтин М. М. Работы 20-х годов. С. 45

⁴ Бахтин М. М. Работы 20-х годов. С. 25.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Там же. С. 57.

ной переживаемостью»¹ и осуществляет причастность поступающего к действительному событию бытия.

Анализируя архитектонику эстетической деятельности (эстетического объекта), ученый и здесь обнаруживает «конкретное, архитектурно-значимое противопоставление я и *другого*»², которое в данном случае проявляется как «событие динамически-живого отношения героя и автора»³. Теперь мы понимаем, что концепция авторства в трудах М. М. Бахтина возникает как одно из определений бытия (поступка), а понятием «эстетический объект» ученый называет способ и продукт деятельности автора. Чтобы понять сущность авторской деятельности и место в ней биографического автора, нужно разобраться в структуре и природе эстетического объекта, которому М. М. Бахтин дает характеристику с разных точек зрения.

Во-первых, с точки зрения личности, вступающей в творческий процесс (надо отметить, что обозначение и разделение этих точек зрения имеет условный и служебный характер, предпринимается для удобства теоретического восприятия и описания; в действительности их едва ли можно разделить) эстетическим объектом называется поступок личности, который порождает новый бытийный смысл. Это происходит следующим образом: «Существенным... моментом эстетического созерцания является вживание в индивидуальный предмет видения, видение его изнутри в его собственном существе. За этим моментом вживания всегда следует момент его объективации, т. е. положение понятой вживанием индивидуальности вне себя, и только это возвращенное в себя сознание, со своего места, эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как единую, целостную, качественно своеобразную»⁴. В другом месте М. М. Бахтин весь сложный процесс эстетического созерцания называет активным вживанием и подчеркивает, что «вживанием осуществляется нечто, чего не было ни в предмете вживания, ни во мне до акта вживания, и этим осуществленным нечто обогащается бытие-событие, не остается равным себе»⁵. Важно подчеркнуть, что содержанием эстетического видения для личности может быть не только индивидуальность другого или какой-то отвлеченный предмет, но и ее собственная жизнь, собственная биография (чаще всего именно так и бывает), но сам акт-поступок, способ этого видения (извне, со стороны), не входящий в его содержание, обуславливает здесь видение-познание себя как другого. В противном случае деятельность личности утрачивает эстетическую природу, получается исповедь или какое-то иное жизнеописание.

Во-вторых, с точки зрения воспринимающей личности эстетическим объектом называется действительность, имеющая смысловую и формальную завершенность в определенном материале. М. М. Бахтин утверждает, что энергия создателя художественного произведения устремлена в первую очередь не на создание оригинальной формы, образа или благозвучия (о чем свидетельствуют и многочисленные высказывания самих писателей), а на познание самой дей-

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 22.

ствительности, ведь «в конечном счете создание и есть познание»¹. Содержанием эстетического объекта в этом случае будет «действительность познания и этического поступка, входящая в своей опознанности и оцененности в эстетический объект и подвергающаяся здесь конкретному интуитивному объединению, индивидуации, конкретизации, изоляции и завершению, т. е. всестороннему и художественному оформлению с помощью определенного материала»². Завершая и оформляя действительность (событие), художник не вмешивается в нее как непосредственный участник — «он занимает существенную позицию вне события, как созерцатель, незаинтересованный, но понимающий ценностный смысл совершающегося; не переживающий, а сопереживающий его...»³.

В третьих, с точки зрения субъектной организации эстетический объект можно определить как «событие динамически-живого отношения героя и автора»⁴. Мы отмечали уже, что содержанием произведения (эстетического объекта) является опознанная, завершенная и оформленная в материале действительность. М. М. Бахтин утверждает, что подобное оформление и завершение события возможно только вокруг данного человека-героя, ни мысль, ни тема, ни проблема не могут стать архитектурным центром произведения. Например, проблема социальной и языковой разделенности русского народа на дворянство и крестьянство существовала на протяжении нескольких столетий, но свое конкретное разрешение как осуществление «простого единства простых людей»⁵ она нашла в событии бытия Пушкина-автора, в художественно завершенном им событии жизни Гринева-героя. «Архитектоника — как воззрительно необходимое, не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершенное целое — возможна только вокруг данного человека-героя. Мысль, проблема, тема не могут лечь в основу архитектоники, они сами нуждаются в конкретном архитектурном целом, чтобы хоть сколько-нибудь завершиться»⁶, — утверждает М. М. Бахтин и далее добавляет, что для создания архитектурного целого автор вступает с героем в «чисто жизненные, познавательные-этические отношения»⁷, любовно, участно, утвердительно-сопереживающе, как к абсолютному ценностному центру, к нему относится (по принципу «не по хорошу мил, а по милу хорош»), но по сравнению с героем должен обладать «избытком видения», чтобы понять-создать его целое и посредством проникновения в целое мира героя стать причастным архитектурному целому действительного события бытия. Избыток авторского видения обуславливает возникновение героя даже в том случае, когда художник пишет о себе: «он должен стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого»⁸.

Как видим, во всех характеристиках эстетического объекта М. М. Бахтин указывает на своеобразие позиции его автора, автора-творца: «Общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою — отно-

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 283.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа. — М., 1991.

⁶ Бахтин М. М. Работы 20-х годов... С. 72.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 99.

шения напряженной вменяемости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вменяемости, позволяющей собрать всего героя... и его жизнь и восполнить до целого теми моментами, которые ему самому внем самом недоступны, как-то: полнотой внешнего образа, наружностью..., его отношением к событию смерти и абсолютного будущего и проч., и оправдать и завершить его помимо смысла, достижений, результата и успеха его собственной направленной вперед жизни»¹. Как только художнику удастся по отношению к действительности (именно к действительности, а не к любой из ее культурных моделей) занять позицию вменяемости, он перестает быть биографическим автором, утрачивает личностные черты, привычки, мировоззрение, чтобы стать автором-творцом, бескомпромиссным и любящим по отношению к ценностному центру своего поступка — герою, и восполнить бытие своим новым словом о мире. Изучением именно этой категории — первичного автора, занимается наука о литературе, по крайней мере, так утверждают многие теоретики, интерпретируя концепцию авторства М. М. Бахтина: «Биографический автор — это исторически реальный человек, наделенный своей биографией и «внеположный» произведению. Для М. М. Бахтина он находится за пределами науки о литературе»². Исследователь А. А. Фаустов, которому принадлежат последние слова, прав в том смысле, что биографический автор не входит в структуру эстетического объекта, но место в науке ему, похоже, все-таки есть. Без обращения к фактам биографии писателя обходится редкое литературоведческое исследование, тем более критическое сочинение. Работы М. М. Бахтина в данном случае — не исключение: он не только обращается к биографическому материалу (например, дважды анализируя «Для берегов отчизны дальней...» А. С. Пушкина, исследователь утверждает, что актуализация темы верности здесь связана с биографией поэта, а образ героини — с воспоминанием А. С. Пушкина об Амалии Ризнич), но и пытается осмыслить закономерности такого обращения. М. М. Бахтин категорически против «смещения автора-творца, момента произведения, и автора-человека, момента эстетического, социального события жизни», но отнюдь не отрицает «возможность научно продуктивного сопоставления биографии героя и автора и их мировоззрения, продуктивного как для истории литературы, так и для эстетического анализа»³.

М. М. Бахтин рассматривает жизнь и личность биографического автора как материал, как элементы действительности, которые могут побуждать автора к эстетической деятельности и поступку. Непосредственно личность и мировоззрение автора-человека не входят в произведение, но они влияют на его тематику и формирование героя. Биографический автор преобразуется в произведении в автора-творца еще и потому, что эстетической деятельностью он разрешает онтологическое противоречие, которое никаким другим способом разрешено быть не может.

Сама структура эстетической деятельности, как мы прояснили, такова, что автор-человек не может в ней оставаться собой, он должен преодолеть все про-

¹ Там же. С. 98.

² Фаустов А. А. К вопросу о концепции автора в работах М. М. Бахтина // *Формы раскрытия авторского сознания (на материалах зарубежной литературы)*. — Воронеж, 1986. С. 181.

³ Бахтин М. М. *Работы 20-х годов...* С. 95.

странство традиции и культуры, стать первым поэтом действительности. Позиция внаходимости автора-творца обуславливает освобождение его от любых готовых форм разрешения противоречий действительности и гарантирует творческое поступание. Система взглядов, этическая позиция биографического автора передается, как правило, «в наследство» герою, прежде всего, автобиографическому. Но даже в случае отсутствия автобиографического героя личностная позиция в бытии биографического автора если не проясняется в произведении, то уж точно присутствует на уровне героев и тематики. Биографический автор, вступая в творческую деятельность (занимая позицию внаходимости), становится первичным автором, созерцающим целое героя, освобождается от идеологических и нравственных принципов, становится беспристрастным в утверждении ценностного смысла события и героя, но не освобождается от ответственности в бытии за свой поступок. Единство ответственности за сказанное в произведении и за совершенное в действительности объединяет эстетического автора с биографическим. А в целом, получается, что автором мы называем личность, совершающую онтологический поступок создания эстетического объекта. Творчество (эстетическая деятельность) интерпретируется ученым как возможность бытия личности и как становление бытия действительности (единственного мира поступка). Биографический, первичный автор и герой — это различные проявления личностного единства, личности, участвующей в событии становления бытия.